

Судьба вундеркиндов печальна: ранняя оценка одарённости, преувеличенные надежды близких, неизбежно сменяющиеся обидным разочарованием, завышенная самооценка, переходящая во фрустрацию... Исключений мало: разве что Моцарт, а среди наших современников — Елена Шварц. Но одарённость Амадея предприимчивый папа использовал на всю катушку, чем, может быть, и спас его (а может быть, и не спас?), а у Елены была такая мама...

Впрочем, мы же не о них, а о Николае Данелии (как жить с такой единственной фамилией?) — талантливым поэте, художнике и кинорежиссёре, сыне Георгия Данелии и Любви Соколовой.

Двадцать шесть лет для русского поэта — не так уж и мало: вспомним хотя бы Лермонтова, да и не только его. Поэтому, читая стихи в этой подборке, всё время хочется узнать, в каком возрасте они написаны, — и оценивать их уже в связи с этим.

Конечно, это неправильно. Но ведь именно так принято оценивать творчество вундеркиндов: это он (она) написал, нарисовал, сочинил (написала, нарисовала, сочинила), когда ему (ей) было всего ... лет! Остальные достоинства (если они есть) отходят при этом на второй план. А недостатки по умолчанию вообще не замечаются.

Стихи Николая Данелии интересны несмотря на это. Хотя явное вундеркиндство автора безусловно мешает оценить их именно по достоинству(ам). А восторженные ахи и охи искренне любующихся талантливым ребёнком друзей и родственников его родителей, так и слышащиеся при чтении стихов младшего Данелии, делают своё главное чёрное дело: страшно тормозят развитие поэта, задерживают его в детстве.

Вообще говоря, инфантилизм для поэта — не всегда беда: собственно, без него в той или иной степени мало кто обходится.

Больше того: без ощущения себя ребёнком, хотя бы временного и вполне осознанного, писать стихи практически невозможно, особенно — хорошие.

Но здесь — совсем другое дело: начинающий поэт Данелия так и остаётся начинающим во всём им написанном. Об этом свидетельствует и задиристый тон, выдающий неуверенность в себе, и щеголяние грубоватым словом, сказанным не к месту, а исключительно ради самоутверждения, и предельная открытость высказывания, которой поэты очень рано начинают стесняться. Не случайно же второй сборник его стихов и рисунков отец так и назвал — «Я прекрасно это начал...». Хотя тут стоит припомнить старого Маршака: «...кто начал, тот не начинающий».

Однако вспомним годы жизни Николая: в восьмидесятых «профессионалы» так не писали; те, кто выбрал для себя стезю советского поэта, очень быстро научались скрываться и таить, но при этом всё-таки показывать, что они талантливы. Видно, что Данелия об этом совершенно не задумывается. И это происходит ещё и потому, что он — человек другой творческой профессии, избранной с детства. А таким — художникам, режиссёрам, физикам — даже в года самые глухие позволялось намного больше, чем «профессиональным членам».

То есть поэзия Николая Данелии — в любом случае ценнейший документ: и исторический, и психологический, и уже этим — художественный. Видно, что автор много и беспорядочно читал, много знал и поэтому достаточно много умеет или хотя бы старается показать (себе в первую очередь), что умеет. Прежде всего это касается стихотворной техники юного Данелии: здесь и верлибр, и смелое словотворчество, и буйная, порой даже сюрреалистическая образность. Всё это невозможно изобрести самому, нужно где-то увидеть или хотя бы подсмотреть. И всё это, безусловно, оправдывается юношескими «исканиями». Хотя если открыть сборники стихов юных поэтов, издававшиеся время от времени в СССР, там таких исканий на несколько порядков меньше, чем у Данелии. А ведь в этих книгах печатались и Сергей Стратановский, и Виктор Коркия, и другие известные ныне поэты, в том числе и достаточно далеко ушедшие от унифицированного и безликого стиля разрешённой советской «поэзии юных».

Видно, что над Николаем ничего не довлело, он писал что и как хотел; точнее, что от него как от вундеркинда ждали близ-

кие. А ждали прежде всего искреннего свободного выражения чувств. И юный поэт — возможно, не осознавая этого — шёл навстречу этим ожиданиям.

Как-то раз мне попал в руки тайный дневник начинающего поэта конца 1930-х, погибшего на войне. Он тоже был талантлив и тоже писал искренние стихи. В его тетради они причудливым образом сочетаются со столь же искренними признаниями в ненависти к врагам народа и восхищением пионервожатой, разоблачившей антисоветскую организацию третьеклассников.

А стихи в той тетрадке двух типов: написанные для публикации в «Пионерской правде» и для себя. Их словно бы два разных мальчика писали!

У Данелии этого страшного раздвоения нет, он целен, и этим его творческий опыт особенно ценен. Это не только стихи, но и человеческий документ — что, вопреки общепринятому мнению, несомненное достоинство поэзии. Стихи интеллигентного юноши семидесятых, непосредственное отражение его внутреннего мира. Как писал Маяковский, «я — поэт. Этим и интересен». И к Николаю Данелии это тоже относится.